

DOI: 10.26907/2074-0239-2019-57-3-133-140
УДК 821

МОТИВ «КЪЫРЫМ-АНА» («КРЫМ-РОДИНА-МАТЬ») В КРЫМСКОЙ ПРОЗЕ «ИЗГНАНИЯ-ВОЗВРАЩЕНИЯ»

© Рустем Караманов

THE MOTIF “KYRYM-ANA” (“CRIMEA-MOTHERLAND-MOTHER”) IN THE CRIMEAN PROSE OF “EXILES-RETURNS”

Rustem Karamanov

This article examines the motif of “Crimea-Motherland-Mother” in the oeuvre of the Crimean writers Rustem Ali, Ayder Osman and Ibrahim Pasha, whose national consciousness was influenced by sociohistorical and moral-psychological upheavals caused by the forced eviction of the Crimean Tatars from their native places. The dramatic pages of the Crimean people’s past and their moral and philosophical interpretation are depicted in their prose with artistic depth. Of special importance in these writers’ creative activity is their own biography and personal experiences. The biographical factor also implies their “internal” biography, which influences the choice of impulses from reality that the writers select for their works. In the memories of the Crimean novelists, Crimea appears as a harmonious world and way of life, in which the characters and their lot were happy. The dramatic events that they had to endure are depicted with the help of binary oppositions of an archetypal nature: “order- chaos”, “harmony - disharmony” and “heaven- hell”. The semantic structure of the image-motif of the Motherland is formed by associative links with the mother, family and native nature. These links create a complete picture of happiness, which remains in the children’s memory for life and determines their worldview.

We have established that the motif “Kyrym-Ana” (“Crimea-Motherland-Mother”) is a capacious and multidimensional image-symbol, whose semantics is revealed both with the support of sacred texts, traditions of folk culture and in accordance with the individual authorial perception of the world .

Keywords: Crimean prose, exile, homecoming, return, Motherland, motif, archetype, binary opposition.

В статье исследуется мотив «Крым-Родина-Мать» в творчестве крымских писателей Рустема Али, Айдера Османа, Ибраима Паши, национальное сознание которых формировалось под влиянием социально-исторических и нравственно-психологических потрясений, вызванных насильственным выселением крымских татар из родных мест. В их прозе нашли глубокое художественное отражение драматические страницы прошлого крымского народа и их нравственно-философское осмысление. Особую роль в творческой деятельности этих писателей сыграла их собственная биография, жизненный опыт. Биографический фактор подразумевает в том числе и «внутреннюю» биографию, под влиянием которой писатель производит отбор импульсов, идущих от действительности. В воспоминаниях крымских прозаиков Крым предстает тем гармоничным миром и жизненным укладом, в котором герои и их окружение были счастливы. Драматические события, которые пришлось им пережить, представлены с помощью бинарных оппозиций, имеющих архетипическую природу: «порядок – хаос», «гармония – дисгармония», «рай – ад». Семантическую структуру образа-мотива родины формируют ассоциативные связи с матерью, семьей, родной природой, эти связи создают целостную картину счастья, которая остается в памяти ребенка на всю жизнь и определяет его мироощущение.

Установлено, что мотив «Къырым-Ана» («Крым-Родина-Мать») является емким и многомерным образом-символом, семантика которого раскрывается как с опорой на священные тексты, традиции народной культуры, так и в соответствии с индивидуально-авторским восприятием мира.

Ключевые слова: крымская проза, изгнание, возвращение, Родина-Мать, мотив, архетип, бинарная оппозиция.

С 1917 по 1980 гг. произведения крымских писателей исследовались в трудах Бекира Чобанзаде, Мамута Недима, Асана Сабри Айвазова, Шамиля Алядина, Сафтера Нагаева, Айдера Ос-

мана, Шевкета Юнусова, Феры Сеферовой, Исмаила Керимова, Айше Джемилевой и др. В работах данных критиков, литературоведов и литераторов освещались проблемы жанра, стиля, художественных средств и прочее.

Несмотря на тот факт, что крымская литература по всем параметрам подходит под определение национальной литературы прерванного типа развития, в соответствии с концепцией И. Г. Неупокоевой [Неупокоева, с. 247], в крымской литературоведческой науке недостаточно исследовано литературно-художественное осмысление изгнания народа и тотального репрессивного воздействия на все формы его самовыражения и развития. Репрессии тридцатых годов, война и репрессии в отношении крымского народа в сороковые и пятидесятые, последующие изгнанные годы вплоть до конца 1980-х гг. не могли не отразиться на истории крымской литературы и, соответственно, литературоведения. Самостоятельному развитию народа именно как национальной общности со своей гуманитарной повесткой, к выразителям которой, без сомнения, относится и литература, на протяжении длительного времени чинились препятствия, что не могло не отобразиться в прозе при ослаблении цензурных тисков в конце 1980-х гг. и в последующий период. К сожалению, в крымской литературоведческой науке не рассматривалась проблема отражения в прозе мотива «Родина-Мать» в годы ссылки, как и не раскрывалась тема изгнания и возвращения в контексте исследования проблемы нравственного отчуждения, бинарной оппозиции и архетипов крымской ментальности. Исключение составляют наши работы [Караманов], [Къараманов, 2006], [Къараманов, 2007], [Къараманов, 2008], [Къараманов, 2009, № 3], [Къараманов, 2009, № 6].

Конец 1980-х – 90-е гг. стали периодом массового возвращения крымских татар на родину в Крым. В это время литераторы были в творческом поиске, нужно было найти такой художественный метод, средства, формы, которые были бы способны раскрыть сущность явлений, а именно обстоятельства той человеческой трагедии, которую переживал как народ в целом, так и каждый его представитель в отдельности. Писатель Айдер Осман метафорически емко высказался об этом: «Ссылка (изгнание) – это массивная скальная глыба, что стоит на пути нашей литературы. Нельзя ее ни перепрыгнуть, ни обойти, а лишь необходимым образом отобразив ее в литературе, можно оставить ее позади, только так» [Сулейман] (здесь и далее перевод наш. – *Р. К.*).

В новых условиях активно взялись за перо Айдер Осман, Шамиль Алядин, Рустем Али,

Джевдет Аметов, Ибраим Паши. Большой материал для их творчества давал прежде всего постоянный, живой контакт с окружающей действительностью; определенный круг жизненных впечатлений ложился в основу их произведений, формируя их структурно и содержательно. Сама жизнь питала их творчество. Мы должны подчеркнуть роль биографии, жизненного опыта писателей в их творческой деятельности. А говоря о роли биографического фактора в творческом процессе, мы должны иметь в виду и «внутреннюю» биографию, под влиянием которой писатель производит отбор импульсов, идущих от действительности. Понятие «внутренней биографии» выдвинул и обосновал польский писатель Леон Кручковский. Говоря о писательском отборе импульсов жизни, Кручковский писал: «Какие же это импульсы? Это зависит от „внутренней биографии“ писателя, от того, какого рода вопросы и проблемы волнуют его... Какой-нибудь кусочек действительности, случайный факт, невзначай встреченный человек иногда дают толчок творческому замыслу» [Кручковский].

В случае с Рустемом Али насыщенная «внутренняя биография» во многом стимулировала его творчество. Рассказы «Олюм ёлу» («Дорога смерти») и «Кёр умют» («Слепая надежда») имеют автобиографическую документальную основу. Жизненный опыт писателя определил не только фактологическую основу сюжета, но и идейно-мотивную структуру произведений. Вместе с тем в индивидуальном отражается общее – судьба всего народа. Рустем Али вспоминал:

Например, голод 44-го. Это не выдумка. Это действительно так было. Например, в конце декабря 44-го как раз на новый год наши детишки, люди массово пухли и умирали от голода. Я сам через это прошел, сам пережил голод. Такие были времена, что мать кормила грудью младенца, мать умерла и младенец умер у нее на груди. Так мы умирали. Говорят, 46% народа умерло, больше половины народа умерло. <...>. В конце декабря 1944-го я был в поселке Мархамат, <...>. Там перед базарными воротами есть чайхана. В ней рассиживают посетители, попивая горячий чай, пар от чая аж валит, и закусывают лепешками. Я вижу, что еда горячая, потому как пар виден, я голоден. Это был десятый год моей жизни. Это было один раз, когда я протянул руку с просьбой дать еды. Первый и последний раз. Кем он был, не знаю, звали его Захитджан, я после узнал. Через двадцать пять лет после этого события я пришел с ревизией в его магазин. Чай и хлеб, им предложенный, я не ел. Его уже нет среди нас, пусть смилостивится над ним Аллах, однако, он мне тогда сказал: «Если я тебе дам кусок хлеба, согласишься ли ты на то, что я отрежу твою голову». Я ушел не согласившись. Рядом с одним са-

раем снег был, лед. Я упал. Детей умерших на дороге собирали и отвозили в морг. Мама до меня попала в больницу с тифом. Санитарки с тетушкой Афизе, Аллаха рахмет эйлесин, меня увидели. Там таких умерших детей раздевали и относили в зиндан, старый зиндан Мин-Тепе, из тех зинданов, что остались со времен Чингисхана. Там и оставляли наших умерших детей. Туда же и меня отнесли и оставили. Я был абсолютно голым. Маме обе эти женщины сказали: «Твоего сына туда унесли. Умер твой сын». Моя мама в больнице лежала больная. Сбежала мама. Побежала в морг этот, колотит дверь руками со словами: «Откройте. Дайте с сыном попрощаюсь». Открыли дверь. Взяла меня мама на руки, ласкает лицо, целует всего. Говорит, шея твоя как спичка тонюсенькая, а оттуда дук-дук пульс слышится, плачет. Потом выносит меня. Такие вот дела. Это настолько же действительное событие, как и наше преступное выселение. Я говорю, что и моя нация в этот морг попала и из него вышла, если говорить образно, поэтично, то и мой народ, эта ссылка была для нас моргом, т. е. нас там оставили на смерть. Но мы оттуда вышли. Если меня моя мама вытащила, то мою нацию, наш народ оттуда вытащила наша мама. Если бы не было в мире Крыма, если бы не любили мы нашу Мать – Крым, мы не были бы народом, вернувшись в Крым. После того, как вернулся я в Крым, работал в колхозе, я написал дестан «Къырым – Ана» («Крым – Мать»). Его напечатали в газете «Яньы дюнъя». <...> Что я, собственно, хочу сказать, так это то, что если моя мама вытащила меня из морга, то мою нацию, мой народ вытащил из морга Крым. Не было бы Родины – Крыма, мы бы так и остались бы в этом морге [Беседа с писателем Рустемом Али].

Возвращение на Священную землю является лейтмотивом повести Айдера Османа «Къайтув» («Возвращение»): «Эта история возвращения только одна из сотен, тысяч историй. Возвращение на Священную землю все продолжается» [Осман, 1997, с. 121]. В этой повести отразилась трагическая судьба крымского народа, насильственно оторванного от родины и удерживаемого в ссылке. Внутреннее сопротивление внешнему произволу и насилию порождала убежденность в неотвратимости возвращения на родину и жизненно необходимом воссоединении народа с родной землей: «О мой народ! Ступите на священную землю, которую Аллах предписал вам, и не обращайтесь вспять, а не то вернетесь потерпевшими убыток» (Коран. Сура «Аль-Маида». Аят 21: 111)¹.

В литературе, посвященной осмыслению трагедии депортированного народа, актуализирует-

ся концепт «родина» в различных формах его художественной репрезентации – образ, мотив, символ. Так, З. Джанхотова пишет: «Центральным символом, представляющим основной императив существования этноса и мотивирующим стереотипы его поведения, для балкарского народа этого периода следует признать такой всеобъемлющий многослойный символ, как „Родина“. Этот символ – суть метафора, имплицитная на базе ассоциативных связей всю парадигму существования народа» [Джанхотова].

Наряду с этим, национальное искусство апеллирует к истории, осмысление которой связано с темой памяти. В этом контексте интересно наблюдение Н. Ц. Манджиева о том, что в произведениях калмыцких писателей о депортации народа нет изображения красоты сибирской природы: «Художественное мышление писателей оказалось верным памяти детства, юности, сохранившего образ степи» [Манджиев, с. 15]. В воспоминаниях крымских прозаиков, с детства познавших горечь преступного выселения, Крым представлялся тем гармоничным миром и жизненным укладом, в котором все были счастливы. На художественно-концептуальном уровне драматические события, связанные с этой страницей национальной истории, представлены с помощью бинарных оппозиций, имеющих архетипическую природу: «порядок – хаос», «гармония – дисгармония», «рай – ад».

Семантическую структуру образа-мотива родины формируют ассоциативные связи с матерью, семейным очагом, бабушкиной любовью, крымской природой и благодатью, которые создают целостную картину счастья, навечно запечатленную в детской памяти и мироощущении крымских прозаиков Рустема Али, Айдера Османа, Ибраима Паши. Сказанное можно проиллюстрировать следующим примером из рассказа Рустема Али «Соньки сары армут» («Последняя желтая груша»):

Если взрослые и старались детально разъяснить мне про рай, райскую пищу и про ад, я не мог их себе и представить. Однако в скотских вагонах на чужбине мне предоставилась возможность их не просто представить, но и узреть. Рай – это объятия бабушки с фиалковым ароматом, я совершенно очевидно себе представил, что райская пища – это желтая груша из рук моей бабушки, ад же – это скотский вагон, адская пища – это месиво, сваренное из гнилой рыбы, которые также очевидно я узрел.

Я больше не смог увидеться с бабушкой. Она умерла в первый месяц преступной ссылки. Садов и виноградников между Судаком и Таракташем больше нет. Однако рай и райская пища не иссякли [Али, 2004].

¹ Здесь и далее Священный Коран цит. по: Quran.ksu.edu.sa: Электронный Коран. Проект E-Quran в Университете короля Сауда / пер. Э. Кулиева. URL: http://quran.ksu.edu.sa/index.php?l=ru#aya=114_1 (дата обращения: 30.05.2019).

Глубоким лиризмом, публицистичностью, напряженностью и драматичностью характеризуются воспоминания о родине героя повести Айдера Османа «Саба ола, хайыр ола»:

Мемет остался с беспокойными мыслями наедине. «Что это за место Хорезм? Его мама туда приедет, значит она знает Хорезм. Может это Крым. Может это узбеки называют Крым Хорезмом? Если завтра они туда поедут, если Мемет узнает Крым, то обязательно воскликнет: „Крым! Это наш Крым!“. Все удивятся: „Посмотрите-ка, этот ребенок узнал Крым, мы же думали, что не узнает“, – скажет дядюшка Матнияз. Тегушка Гевар, бабушка, даже Айджамал, говорят по крымскотатарски. А значит и они крымские татары, только они со стороны Ялты, мы же со стороны степи, с села Карджав».

Мемет на одном дыхании открыл для себя столько вещей. Он сам обрадовался своему открытию. Как только он представил себе Крым, то перед его взором предстала бескрайняя зеленая степь, бегающие по ней зайчики. «Я отнесу их домой, – подумал Мемет. – Мама обрадуется со словами: „Умничка, сынок, ты стал мужчиной!“ А бабушка, конечно же, и она там...» Когда Мемет вспоминал маму и бабушку, то от наплыва чувств его сердце сжималось.

Когда Мемет погружался в сон из сладостных мечтаний, он шепотом произносил, как это говорила мама: «Саба ола, хайыр ола («С утренней зарей и благо пребывает»)» [Осман, 1990, с. 54].

«Родина-Мать» в повести Айдера Османа «Агентнинь изинден» («По следам агента») концептуализируется в образе обителю, щедрой на свет солнца и зелень, дарующей счастливое детство:

– Эх, ступить бы одной ногой в Крым, – сказал он (Ахтем. – *Р. К.*) с бравадой и радостью. Нам только когда ступим на родную землю нужна помощь. После мы окрепнем. А там заживем. Знаешь, Зера, когда я говорю Крым, то перед взором предстает зеленый-зеленый луг. Там птицы щебечут, зайчики бегают, дети играют.

– Почему же обязательно зелено должно быть?

– За нашим домом была такая поляна. Весной там полно жаворонков. Они в траве гнездятся и выводят птенцов. Песня жаворонка – самая чистая песня. Она устремляется высоко в небо, он так поет, что весь мир за раз очищается... Затем и зайцы в ущелье среди кустов тоже строят свои обителю... Солнце рождается таким красивым и щедро осыпает своими лучами все поле. О Аллах, кого обрадует еще красота такого весеннего дня. Душе спокойствие, сердцу радость... дети там растут в радости и играх, оттуда черпают любовь к родной земле и пронесут ее через всю жизнь [Осман, 1994, № 2, с. 146–147].

В рассказе Айдера Османа «Аметнинь козь-яшлары» («Слезы Амета») семантическую

структуру образа-символа Родины определяют мотивы семейного очага, благодати родной земли, материнской и отеческой любви:

Амет представил себе Крым, отцовский дом, лужайку за домом, на которой пасутся и бегают овцы и ягнята, и увидел себя рядом с ними. Вот он представил доброе, милое лицо матери, открывшей окно и зовущей его домой. Вот по дороге среди перешептывающихся от ветра тополей, смеясь идет его отец, на его ногах надеты чарыки, на голове – калпак, вот он подойдет и обнимет Амета, поднимет на руки и зайдет домой, мама их встретит, <...>. Вот сейчас...

Сердце Амета сжалось: «Какая это была хорошая жизнь!» – подумал он. Когда он шел через двор, то почувствовал, что его щеки намокли. Он, плакал и плакал, не ощущая этого [Осман, 1994, № 3, с. 176].

Иное смысловое наполнение концепт родины получает в прозе Ибраима Паши. В романе (повести. – *Р. К.*) «Джанлы нишан» («Живая мишень») в семантический ореол мотива «Родина-Мать» включаются символика берега синего-синего моря, холм и чаир, пастбищ крымской яйлы и чабана, свежего ветра с гор, своим прикосновением напоминающего изящные и нежные руки девушки:

Темет безмолвствовал, хотелось спать, но сон пропал. Разум его витал где-то вдали, у зеленых холмов и чаиров родного села, на берегу пресинего моря. Будто он пасет коз. Размахивая чабанской палкой, гонит животных к реке. Веющий с изумрудных скал свежий ветер поглаживает лицо и лоб как изящные и нежные руки девушки. Парящие между серых скал коршуны жалобно-жалобно кричат [Паши, с. 85–87].

В творчестве Рустема Али устанавливается семантическая эквивалентность образов Крыма, Родины и Матери и проводится параллель: подобно тому, как родная мать спасла его из морга-зндана, так и мысли о родной земле-матери – Крыме – спасли народ из «морга» – ссылки. Архетипичность этого мотива и его циклическая повторяемость (в сопряжении с онтологической парадигмой «смерть-возрождение») отсылают к священному кораническому тексту, воспроизводят его коды в новых исторических условиях. В Коране многократно сообщается о сотворении человека из земли, потом последовательно из капли, из сгустка крови, из разжеванного кусочка, сформировавшегося или не сформировавшегося (Сура «Аль-Хадж»). Изначально человек был выведен из земли и лишь потом из утробы матери: «Ему было лучше знать о вас, когда Он сотворил вас из земли и когда вы были зародышами в утробах ваших матерей» (Коран. Сура «Аль-Наджм». Аят 32: 527). В Коране местом

пребывания человека значится земля (читай Родина) и материнская утроба: «Для вас есть место пребывания (на земле или в утробах матерей) и место хранения (в могилах или чреслах отцов)» (Коран. Сура «Аль-Ан'ам». Аят 98: 140).

В произведениях Рустема Али проявились черты, свойственные всей крымской прозе, посвященной теме депортации. Как без матери невозможно развитие плода и рождение ребенка, так без родной земли, данной в удел, невозможно полноценное развитие и жизнедеятельность как человека, так и народа в целом. Земля уподобляется материнской утробе, она также обеспечивает жизнедеятельность и развитие человека на разных этапах. Архетип родины сродни архетипу матери. Именно поэтому образы Родины утешают и умиротворяют, зовут в родное лоно – это свойственно.

В. Оборина пишет: «На этническом уровне архетипы определяются содержанием ментальных структур сознания, включающих общепринятые верования, предубеждения, установки и принципы данного этнического общества или группы» [Оборина, с. 25]. О. Нельга определяет этнические архетипы как «совокупность духовно-культурных символов и образов этнического бытия, посредством которых жизнь каждого этнофора наполняется смыслом и целеустремленностью» [Нельга, с. 43]. Именно на основе этнических архетипов формируется категория «мы», дающая возможность почувствовать себя частью целого этноса. «Мы» обуславливает характер действий и тип реакции на ту или иную конкретную ситуацию как единственно возможные и потому правильные. Так, базовая бинарная оппозиция «Изгнание – Возвращение», восходящая к Корану, раскрывает национальную борьбу крымских татар с единственно целью – Возвращением. В творчестве Рустема Али бинарная оппозиция: «Крым-Родина-Мать» – Ссылка (морг, могила, обречение на гибель) сопрягается с онтологической парадигмой «Смерть – Возрождение». По словам самого Рустема Али, движущим мотивом его творческой деятельности было возвращение народа в Крым: «Я не пришел, чтобы быть писателем или поэтом. А пришел, чтобы вернуть народ в Крым, чтобы мотивировать народ Крымом...» [Беседа...].

В рассказе Рустема Али «Олюм ёлу» («Дорога смерти») о насильственном изгнании народа из Крыма, мотивная система «Крым-Родина-Мать» выражает боль об утрате отца. Писатель не только описывает это эмоциональное состояние, но и пытается осмыслить причины трагедии, связывая их с преступной политикой в отноше-

нии крымского народа. Боль за отца усиливается болью за весь народ:

Поезд то спешит, то вот-вот остановится, замедляет ход, но не останавливается, продолжает путь. Затем снова набирает скорость. Иногда издает хищный крик, несется как бешенный, словно настигающий добычу див (демон). Вот и сейчас так. Аппаз деде подошел к окну и выглянул наружу.

– Приближается к Ор-Капу! – сказал он, сидящие вскочили с мест и устремились к окну, последний раз глянули на материнскую землю, родное небо и море, утирая слезы, опять сели рядом со своими котомками и узелками. Будут ли они осчастливлены возвращением на родину или нет, только Аллаху известно.

– О, наш Господь, прости нам наши грехи. Удостой нас возвращением на родную землю, всем вместе. Амин, я, Раббим, – помолился Аджымурат деде.

– Амин... Амин... – большие и малые – все вместе от всего сердца с верой молясь, смотрят в окно. Оттуда виднеется кусочек яркого переливающегося цветами неба. Солнце садится. Когда же заново взойдет Крымское солнце для этого народа в вагонах? Взойдет ли?! Взойдет, взойдет, взойдет, – говорит надежда. Взойдет, взойдет, взойдет, – стучат железные колеса.

Солнце село. Поезд не останавливается в Ор-Капу, продолжает путь во мглу. <...> – Крым остался по ту сторону! Раздался плач: не только в этом вагоне, во всех раздался плач младенца, насильно оторванного от материнской груди. <...> Мир впервые стал свидетелем жесточайшего преступления над целыми народами, свершенного государством под названием СССР. Однако кто же слышит плач народа, заключенного в скотские вагоны, кроме Аллаха? Может иблисы в человеческом обличье, сопровождающие эти вагоны? Страдание несчастного народа только доставляет им удовольствие. Насколько мучительней страдание, настолько слаще их удовольствие. Поэтому на всем протяжении длительного пути они от этого народа не отстанут и не оставят его в покое. Зловредность и злонамеренность – их профессия, их хлеб. Кто еще может услышать их плач? Может быть, жители окрестных сел и городов? Правители учат их быть глухими и слепыми и твердо требуют от них оставаться такими. Осмелюсь, покажи свою человечность! Известен исход тех, кто проявил благородство. Сам станешь жертвой. Кто еще остался? Может, другие народы других государств? Излейся морем слез, кричи криком до небес, призывай. Бесполезно! <...> Потому что ты в могиле! Одна шестая часть мировой суши «братства народов» в железобетонной могиле! Окрашенные в алую кровь серп и молот – твой могильный камень! [Али, 1992, с. 122–123].

Создается параллель между плачем изгоняемого из Крыма народа и плачем оторванного от груди младенца. Писатель говорит о бесчеловечности репрессий и их механической сущности метафорическим языком, используя логику бинарных оппозиций «порядок – хаос», «гармония

– дисгармония», «созидание – разрушение», «человечность – бесчеловечность» и т. д. Механизация является обобщающей метафорой ужасающего репрессивного механизма, требующего от людей быть индифферентными к его преступлениям. Но, помимо обобщающей метафоры и обобщения как художественного приема, Рустем Али прибегает к конкретной характеристике правителей городов и селений как преступников, снова обращает нас к тексту Священного Корана, обличающему преступников: «Вот так в каждом селении Мы создавали главных грешников, чтобы они строили там козни. Однако они строят козни только против самих себя, но не ощущают этого» (Коран. Сура «Аль-Ан'ам». Аят 123: 143). В переводе Гейдара Джемаль данная сура звучит так: «Тех, кто правит делами людей в странах и городах, мы сбили с прямого пути и сделали их преступниками» [Джемаль].

Таким образом, исходя как из коранического текста, так и из прозаического контекста, речь здесь идет об аморальной практике манипуляции людьми в целях преступного самоутверждения власти на всех уровнях и ее узурпации, что и реализовывалось в советско-сталинской модели государства, в которой общечеловеческие ценности оказались не востребованы и даже отвергнуты. Ведь именно за попытку спасения человека от преступников и пострадал отец Рустема Али – Шамиля в рассказе «Олюм ёлу» («Дорога смерти»):

Кто еще может услышать их плач? Может быть, жители окрестных сел и городов? Правители учат их быть глухими и слепыми и твердо требуют от них оставаться такими. Осмелюсь, покажи свою человечность! Известен исход тех, кто проявил благородство. Сам станешь жертвой [Али, 1992 с. 123].

Бинарная оппозиция: «человечность – бесчеловечность» маркирует это противостояние, показывая, что человечность и сострадание наказуемы. И не имеет значения, на каком уровне реализуется эта преступная политика – в частной, индивидуальной судьбе человека (убийстве отца Рустема Али) или в насильственном, преступном выселении целого народа. Она ведет к нравственной деградации человека и общества в целом, а также к выхолащиванию этнофора, а вместе с ним и целого народа.

Таким образом, национальное сознание Рустема Али, Айдера Османа, Ибраима Паши формировалось под влиянием социально-исторических и нравственно-психологических факторов, связанных с насильственным выселением из Крыма. В их творчестве нашли глубокое художественное отражение драматические стра-

ницы прошлого крымского народа и их нравственно-философское осмысление.

В произведениях ошутимы автобиографические черты. Жанровое своеобразие произведений определяется ролью самого автора в повествовательных структурах.

Мотив «Къырым-Ана» («Крым-Родина-Мать») является емким и многомерным образом-символом, семантика которого раскрывается как с опорой на священные тексты, традиции народной культуры, так и в соответствии с индивидуально-авторским восприятием мира.

Список литературы

Беседа с писателем Рустемом Али. Аудиозапись от 8 декабря 2010 года. Личный архив Рустема Караманова.

Джанхотова З. Х. Система архетипических образов в балкарской поэзии 30–50-х годов XX века (на материале произведений К. Кулиева): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2009.

Джемаль Г. Ловушки для мусульман // Контрудар. 2013. 19 апр. URL: <http://www.kontrudar.com/statyi/lovushki-dlya-musulman-i-kak-iz-nih-vyehodit> (дата обращения: 30.05.2019).

Караманов Р. Н. Мотив возвращения как национальная идея в рамках бинарной оппозиции «изгнание – возвращение» в дискурсе крымской прозы // Язык и текст. 2019. Том 6. № 1. С. 29–32.

Кручковский Л. (О писательском отборе импульсов жизни) // Литература и жизнь. 1960. 6 мая.

Манджиев Н. Калмыцкая проза о депортации (некоторые аспекты концепции человека). Элиста, 2005. 239 с.

Неупокоева И. Г. История всемирной литературы: Проблемы системного и сравнительного анализа. М.: Наука, 1976. 358 с.

Оборина В. Об особенностях ментальности будущих педагогов и психологов // Вестник МГУ. Сер. 14. 1994. № 2 С. 25–32.

Али Р. Соньки сары армут // Сувдагъ сеси. 2004. № 8 (256). август 14. Джумаэртеси. С. 4.

Али Р. Олюм ёлу. Икяе. // Йылдыз. 1992. № 4. С.108–144.

Къараманов Р. Аят материалы ве сюжет (Джевет Аметовнынъ «Сёнген оджакълар» повести узеринде муляазалар) // Йылдыз. 2006. № 2. С. 110–131.

Къараманов Р. Абляким Ильмийнинъ эсерлери мисалинде къырымтытыр эдебиятында варислик мевзусы. // Йылдыз. 2007. № 6. С. 76–84.

Къараманов Р. Къырымтатар несринде къырымтатар зихний архетиплери (Айдер Османнынъ эсерлери мисалинде) // Йылдыз. 2008. № 4. С. 140–151.

Къараманов Р. Кунюмиздеки къырымтатар несринде конфликт узеринде муляазалар. // Йылдыз. 2009. № 3. С. 94–106.

Къараманов Р. Къырымтатар несринде деврий конфликт ве онынъ бедий ифадеси узеринде муля-

залар (Айдер Османнынъ ве Ибраим Пашининъ эсерлери мисалинде) // Ылдыз. 2009. № 6. С. 114–120.

Осман А. «Къайтув». Икяе // Ылдыз. 1997. № 1. С. 101–121.

Осман А. Саба ола, хайыр ола // Ылдыз. 1990. № 5. С. 24–73.].

Осман А. Агентнинъ изинден // Ылдыз. 1994. № 2. С. 107–164.

Осман А. Аметнинъ козьяшлары // Ылдыз. 1994. № 3. С. 169–176.

Паши И. Джанлы нишан. Симферополь: «Таврия» нешриятъ, 1998. 208 с.

Сулейман А. (Айдер Осман). «Ылдыз» журналынынъ алтындыжы номеринде // Янъы дюнья. 1991. № 2. Январь 9. Чаршенбе.

Нельза О. Архетипи етнични // Енциклопедия етнокультурознавства. К., 2000. Ч. 1. С. 43.

References

Ali R. (1992). *Olium elu. Ikiea* [A Road of Death. History]. *Iyldyz*. No. 4, pp.108–144. (In Crimean Tatar)

Ali R. (2004). *Son'ki sary armut* [The Last Yellow Pear]. *Suvdag*" sesi. No. 8 (256). Avgust 14. Dzhumaertes. P. 4. (In Crimean Tatar)

Beseda s pisatelem Rustemom Ali [A Talk with Rustem Ali, a Writer]. Audiozapis' ot 8 dekabria 2010 goda. Lichnyi arkhiv Rustema Karamanova.

Dzhankhotova, Z. Kh. (2009). *Sistema arkhetipicheskikh obrazov v balkarskoi poezii 30–50-kh godov XX veka (na materiale proizvedenii K. Kulieva): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The System of Archetypical Images in Balkar Poetry of the 1930s – 1950s (based on the works of K. Kuliev):Ph.D. Thesis Abstract]. *Nal'chik*. (In Russian)

Dzhemal', G. (2013). *Lovushki dlia musul'man* [Traps for Muslims]. *Kontrudar*. 19 apr. URL: <http://www.kontrudar.com/statyi/lovushki-dlya-musulman-i-kak-iz-nih-vyhodit> (accessed: 30.05.2019). (In Russian)

K"aramanov, R. (2007). *Abliakim Il'miinin" eserleri misalinde k"yrymtytyr edebiiatynda varislik mevzusy* [The Theme of Continuity on the Example of the Works by Abliakim Ilmiy]. *Iyldyz*. No. 6, pp. 76–84. (In Crimean Tatar)

K"aramanov, R. (2006). *Aiat materialy ve siuzhet (Dzhevdet Ametovnyin" "Sengen odzhak"lar" povesti uzerinde muliaazalar)* [The Life Material and the Plot. (Reflections on the Novel "Extinct Hearths" by Dzhevdet Ametov)]. *Iyldyz*. No. 2, pp. 110–131. (In Crimean Tatar)

K"aramanov, R. (2009). *K"yrymtatar nesrinde devrii konflikt ve onyn" bediii ifadesi uzerinde muliaazalar (Aider Osmannyn" ve Ibraim Pashinin" eserleri misalinde)* [Reflections on the Epochal Conflict in Crime-

an Tatar Prose and its Artistic Expression (based on the works of Aider Osman and Ibraim Pashi)]. *Iyldyz*. No. 6, pp. 114–120. (In Crimean Tatar)

K"aramanov, R. (2008). *K"yrymtatar nesrinde k"yrymtatar zikhni arkhetipleri (Aider Osmannyn" eserleri misalinde)* [The Archetypes of the Crimean Tatar Mentality in Crimean Tatar Prose (based on the works of Aider Osman)]. *Iyldyz*. No. 4, pp. 140–151. (In Crimean Tatar)

K"aramanov, R. (2009). *Kuniumizdeki k"yrymtatar nesrinde konflikt uzerinde muliaazalar* [Reflections on the Conflict in Modern Crimean Tatar Prose]. *Iyldyz*. No. 3, pp. 94–106. (In Crimean Tatar)

Karamanov, R. N. (2019). *Motiv vozvrashcheniia kak natsional'naia ideia v ramkakh binarnoi oppozitsii "izgnanie – vozvrashchenie" v diskurse krymskoi prozy* [The Motif of Returning as a National Idea in the Framework of the Binary Opposition "Exile - Return" in the Discourse of Crimean Prose]. *Iazyk i tekst*. Tom 6. No. 1, pp. 29–32. (In Russian)

Kruchkovskii, L. (1960). *O pisatel'skom otbore impul'sov zhizni* [On the Writer's Selection of Life Impulses]. *Literatura i zhizn'*. 6 maia. (In Russian)

Mandzhiev, N. (2005). *Kalmytskaia proza o deportatsii (nekotorye aspekty kontseptsii cheloveka)* [Kalmyk Prose about Deportation (Aspects of the Human Concept)]. 239 p. Elista. (In Russian)

Nel'ga, O. (2000). *Arkhetipi etnichni* [Ethnic Archetypes]. *Entsiklopediia etnokul'turoznavstva*. Ch. 1, p. 43. Kyiv. (In Ukrainian)

Neupokoeva, I. G. (1976). *Istoriia vseмирnoi literatury: Problemy sistemnogo i sravnitel'nogo analiza* [History of World Literature: Problems of System and Comparative Analysis]. 358 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

Oborina, V. (1994). *Ob osobennostiakh mental'nosti budushchikh pedagogov i psikhologov* [On the Features of the Mentality of Future Teachers and Psychologists]. *Vestnik MGU*. Ser. 14. No. 2, pp. 25–32. (In Russian)

Osman, A. (1997). *"K"aituv". Ikiea* [Return]. *Iyldyz*. No. 1, pp. 101–121. (In Crimean Tatar)

Osman, A. (1994). *Agentnin" izinden* [On the Tracks of an Agent]. *Iyldyz*. No. 2, pp. 107–164. (In Crimean Tatar)

Osman, A. (1994). *Ametnin" koz'iashlary* [The Tears of Amet]. *Iyldyz*. No. 3, pp. 169–176. (In Crimean Tatar)

Osman, A. (1990). *Saba ola, khaiyr ola* [With the Dawn of the Morning and the Blessing Abides]. *Iyldyz*. No. 5, pp. 24–73. (In Crimean Tatar)

Pashi, I. (1998). *Dzhanly nishan* [A Live Target]. 208 p. Simferopol', "Tavriia" neshriiaty. (In Crimean Tatar)

Suleiman, A. (Aider Osman). (1991). *"Iyldyz" zhurnalynyn" altyndzhy nomerinde* [The Sixth Issue of the Magazine "Yildiz"]. *Ian'y diun'ia*. No. 2. Ianvar' 9. Charshenbe. (In Crimean Tatar)

The article was submitted on 31.05.2019
Поступила в редакцию 31.05.2019

Караманов Рустем Надирович,
аспирант,
Крымский инженерно-педагогический
университет,
295015, Россия, Симферополь,
пер. Учебный, 8.
temirqaya@gmail.com

Karamanov Rustem Nadirovich,
graduate student,
Crimean Engineering and Pedagogical
University,
8 Uchebny Lane,
Simferopol, 295015, Russian Federation.
temirqaya@gmail.com